

Откуда ты знаешь, что сейчас не спишь

*Вопрос, который выглядит игрой, пока не попробуешь на него
ответить*

Философия · 13–17 лет · 15 минут

Любая проверка, которую ты придумаешь, сама может быть частью сна.

Из этого простого наблюдения выросла половина европейской философии, устройство науки и современные споры о том, что вообще можно знать наверняка.

Проверь прямо сейчас

Ты читаешь текст. Вокруг комната. Всё устойчиво и обычно.

Вопрос: чем ты можешь **доказать**, что не спишь?

Обычно первые ответы приходят быстро.

«Всё слишком чёткое и связанное» — но во сне мир тоже кажется связным, странности замечаются только после пробуждения. «Я помню, как проснулся утром» — во сне можно помнить что угодно, память во сне тоже снится. «Я ущипну себя» — во сне ущипнуть себя и почувствовать боль вполне можно.

Заметь общее устройство всех ответов. Каждая проверка происходит **внутри того же самого опыта**, подлинность которого и проверяется. Если всё это сон, то и проверка — часть сна, и её результат ничего не удостоверяет.

Вопрос кажется детской игрой. На самом деле это одна из самых плодотворных задач в истории мысли, и из неё выросло очень многое.

Зачем вообще это спрашивать

Прежде чем углубляться, стоит защититься от законного возражения: какая разница?

Разница есть, и вот какая.

Вопрос не про сон. Вопрос про **основания**. Ты постоянно чему-то веришь: что вчерашнее было, что другие люди существуют, что земля не исчезнет под ногами. Всё это ты не проверял и проверить не можешь.

Обычно это не мешает. Мешать начинает, когда ты пытаешься понять, **чем знание отличается от уверенности**. Потому что уверенность — состояние головы, и она бывает полной при полной ошибке. А знание вроде бы должно быть чем-то большим.

Вот и задача: найти, чем именно.

Ход Декарта

В 1641 году Рене Декарт поставил опыт, который до него ставили редко: попытался усомниться во всём подряд и посмотреть, что уцелеет.

Каждая проверка нуждается в проверке

Он рассуждал ступенями.

Чувства обманывают. Палка в воде кажется сломанной, далёкая башня — круглой. Раз чувства подводят иногда, полагаться на них как на основание нельзя.

Сон неотличим изнутри. Тот самый аргумент, с которого мы начинали.

Может быть хуже. Допустим, существует могущественный обманщик, который специально внушает мне и мир, и мои мысли, и даже уверенность в том, что дважды два четыре. Доказать, что его нет, я не могу.

После этого, казалось бы, не остаётся ничего. Но Декарт замечает одну зацепку.

Чтобы быть обманутым, надо **существовать**. Если меня обманывают — значит, есть кого обманывать. Если я сомневаюсь — значит, есть кто-то сомневающийся.

Отсюда знаменитое: мыслю, следовательно существую. Это не вывод о мире, а единственная точка, которую не берёт сомнение: сам факт, что сомнение происходит.

Скептицизм

Не «неверие во всё подряд», а метод: требование основания для каждого утверждения. Возник в античности; тогдашние скептики предлагали воздерживаться от суждений там, где основания недостаточны, и считали, что это даёт душевный покой. Важно отличать скептицизм от цинизма: скептик говорит «я не знаю, покажи основания», циник — «всё равно всё ложь». Первое — рабочий инструмент, второе — способ не думать.

Почему это не решило задачу

Точка нашлась. Дальше Декарт попытался вывести из неё остальное — существование внешнего мира, надёжность разума — и вот тут большинство читателей считает, что у него не вышло.

Чтобы выбраться от «я существую» к «мир существует», ему понадобилось доказать, что есть Бог и что Бог не обманщик. Доказательства эти разбирали три столетия и убедительными не признали.

Получилась любопытная ситуация. Разрушительная часть работы оказалась сильнее созидательной: сомнение сформулировано так убедительно, что от него не отделались до сих пор, а выход из него принят не был.

Но это не провал. Из декартовой постановки выросли два важных следствия.

Первое. Найти абсолютно надёжное основание для знания, похоже, невозможно. Всякая цепочка обоснований либо уходит в бесконечность, либо замыкается в круг, либо где-то обрывается на недоказанном.

Второе. Раз так, надо менять требование. И именно это сделала наука.

Декарт искал одно основание, на которое можно поставить всё остальное

Что сделала наука вместо доказательства

Вот поворот, ради которого стоило всё разбирать.

Наука не отвечает на вопрос «а вдруг это сон». Она поступает иначе: **отказывается от требования окончательной достоверности** и заменяет его другим набором требований.

Проверяемость. Утверждение должно быть таким, чтобы можно было указать, какое наблюдение его опровергнет. «Идёт дождь» проверяемо. «Всё это сон» — нет: под него подходит любое наблюдение.

Повторяемость. Один человек мог ошибиться или соврать; если результат воспроизводится у разных людей в разных местах, вероятность общей ошибки падает.

Временность. Ни одно утверждение не объявляется окончательным. Всё лучшее, что у нас есть, — это то, что пока не опровергнуто.

Заметь, что произошло. Наука не победила скептический аргумент — она **обошла** его, поменяв задачу. Вместо «как получить несомненное знание» она спрашивает «как ошибаться реже и замечать свои ошибки быстрее».

И это оказалось гораздо продуктивнее, чем поиск непоколебимого основания.

Почему «мы в симуляции» — не научная гипотеза

Современный вариант того же вопроса звучит так: возможно, мы живём внутри вычисления, а вся реальность смоделирована.

Разберём утверждение по правилам, которые только что перечислены.

Проверяемо ли оно? Спроси: какое наблюдение доказало бы, что мы **не** в симуляции? Любое наблюдение может быть частью симуляции. Значит, опровергнуть утверждение нечем.

Меняет ли оно предсказания? Если симуляция идеальна, ничто в мире не ведёт себя иначе, чем вело бы без неё. То есть гипотеза не даёт ни одного отличающегося предсказания.

Что из неё следует? Ничего практического: вести себя всё равно приходится так же.

Вывод: перед нами не научное утверждение, а метафизическое — то есть такое, которое в принципе нельзя проверить опытом.

Важная оговорка, чтобы не перегнуть. «Ненаучное» не значит «глупое» или «ложное». Вопросы о том, что такое справедливость или почему есть нечто, а не ничто, тоже ненаучны — и вполне осмысленны. Значит лишь одно: разрешать такие вопросы придётся не измерением, а рассуждением, и окончательного ответа, скорее всего, не будет.

Кстати, некоторые сторонники гипотезы о симуляции утверждают, что следы вычисления всё же можно было бы обнаружить — например, в предельной зернистости пространства. Если так, утверждение становится проверяемым и переходит в науку. Пока таких следов не нашли.

Как живут без окончательных оснований

Осталось ответить на практический вопрос: если твёрдого фундамента нет, почему всё не рассыпается?

Несколько соображений, которые обычно приводят.

Жить приходится и без окончательных доказательств

Основания бывают взаимными, а не фундаментными. Здание не обязано стоять на одном камне; сеть держится тем, что нити натянуты друг против друга. Наши убеждения поддерживают друг друга: физика согласуется с химией, воспоминания — со свидетельствами других, ожидания — с опытом. Согласованность не даёт достоверности, зато обнаруживает несоответствия.

Практика — не доказательство, но и не ничто. Мост, построенный по нашим представлениям о прочности, стоит. Это не доказывает, что мир существует; это показывает, что наши представления в чём-то попадают.

Сомнение тоже нуждается в основании. Шотландский философ Юм отмечал вещь, которую часто цитируют: выходя из кабинета, он переставал быть скептиком, потому что сомневаться во всём невозможно практически. Позже это оформили строже: чтобы сомнение было

осмысленным, должен быть повод. «А вдруг всё сон» — сомнение без повода, и потому оно ничего не меняет.

Требовать невозможного — способ не действовать. Если признавать только абсолютно достоверное, придётся отказаться от всего, включая само это правило. Тот, кто говорит «ничего нельзя знать наверняка», обычно уверен хотя бы в этом.

Стоит ли вообще заниматься такими вопросами

Не стоит. Вопросы, на которые нет ответа и от которых ничего не зависит, — трата времени. Ни одно практическое решение не изменится от того, спишь ты или нет. За то же время можно узнать что-то, что действительно меняет дело.

Стоит. Именно из этих «бесполезных» вопросов выросли логика, устройство научного метода, теория вероятностей и понимание того, что такое доказательство. Люди, разбиравшие, можно ли доверять чувствам, в итоге научили человечество ставить опыты. Польза здесь не прямая, а отсроченная и огромная.

Возможный компромисс: вопрос полезен ровно до тех пор, пока ведёт к уточнению, чем знание отличается от уверенности, — и становится пустым, как только превращается в позу.

Что из этого можно унести

Несколько вещей, применимых далеко за пределами философии.

Различай уверенность и основание. Ощущение правоты не является доводом, и своё ощущение не сильнее чужого.

Спрашивай, что могло бы тебя переубедить. Если ответа нет, у тебя не мнение, а привязанность. Это не запрещено, но стоит знать про себя.

Не требуй абсолютной достоверности там, где её не бывает. Требование «докажи на сто процентов» в вопросах о мире — обычно способ отклонить любой довод.

И не пугайся отсутствия фундамента. Вся человеческая деятельность построена на утверждениях, которые не доказаны окончательно. Это не слабость, а условие работы: тот, кто ждёт полной достоверности, не начинает.

Где этот вопрос встречается в жизни

Разговор кажется отвлечённым ровно до тех пор, пока не заметишь его бытовые версии. Их довольно много.

Свидетельство. Ты не был на месте события и знаешь о нём со слов. Проверить слова можно только другими словами. Это та же структура: проверка изнутри той же системы.

Память. Ты уверен, что вчера было так. Единственное свидетельство — твоя память, а проверить её можно только памятью. Известно при этом, что память переписывается при каждом обращении и что уверенность в воспоминании не связана с его точностью.

Приборы. Термометр показывает температуру. Откуда известно, что он не врёт? Сверили с другим термометром. А тот? Всякая калибровка в конце концов упирается в договорённость о эталоне.

Собственные глаза. Самое неприятное. «Я видел своими глазами» звучит как окончательный довод, а зрение систематически обманывает: иллюзии, слепое пятно, достраивание недостающего.

Во всех случаях выход один и тот же, и он не в поиске абсолютной проверки. Выход — в **независимых источниках**. Одна память ненадёжна, но совпадение памяти троих уже кое-что значит. Один прибор врёт, сверка трёх разных приборов, устроенных на разных принципах, врёт гораздо реже.

Это и есть практическая версия ответа, который дала наука: достоверность не добывается в одной точке, она набирается пересечением независимых подходов.

Главное в трёх строчках

- Любая проверка «не сплю ли я» происходит внутри того же опыта, который проверяется, поэтому доказать бодрствование изнутри невозможно.
- Декарт показал, что сомнение не берёт лишь сам факт мышления, но выбраться отсюда к внешнему миру убедительно не удалось ни ему, ни другим.

- Наука не опровергла скептический довод, а обошла его: заменила требование окончательной достоверности на проверяемость, повторимость и готовность пересмотреть.

Вопросы для размышления

- Придумай проверку, доказывающую, что ты не спишь, и объясни, почему она не работает.
- Гипотеза о симуляции ничего не предсказывает. Значит ли это, что она ложна?
- Если абсолютно надёжных оснований нет, чем тогда твёрдое знание отличается от простого упрямства?